

В. Д. Назаров**СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ, КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ И КНЯЗЬ ПАТРИКЕЕВЫ**
(заметки о политической борьбе в России в конце XV – начале XVI в.)

К истории политической борьбы в Русском государстве на рубеже XV–XVI вв. исследователи обращаются с завидной регулярностью. Острота дискуссий порождается, прежде всего, крайней скудостью источниковой базы, в первую очередь летописей. Краткие летописные известия 1497–1499 гг. скупо информируют историков о важнейших подвижках в расстановке сил в великокняжеской семье, в верхнем слое правящей элиты. Вот небольшой перечень случившегося в России за один календарный год и четыре месяца. В декабре 1497 г. последовала опала на князя Василия и его мать, великую княгиню Софью Палеолог, вторую супругу Ивана III. Отец приказал арестовать своего первенца от византийской принцессы и казнить шесть человек из его окружения. В январе – феврале 1499 г. по распоряжению великого князя были пострижены в монахи кн. И. Ю. Патрикеев (ближайший советник Ивана III и самый авторитетный государственный деятель в 1460-е – 1490-е гг.) и его старший сын Василий Косой, другой сын умер в заключении, а зять, кн. С. И. Рязанский, был казнен. В феврале 1498 г. Иван III «благословил и посадил» на великое княжение Владимирское и Московское «при себе и после себя» Дмитрия-внука, сына его старшего сына от первого брака, великого князя Ивана Ивановича. Наконец, в марте 1499 г. последовало прощение кн. Василия. Споры идут о составе придворных «партий», о причинах и мотивах противоборства, о целях борьбы, о соотношении внутри и внешнеполитических факторов, наконец, о роли самого московского государя¹. На наш взгляд, дискуссия еще далека от завершения, совсем не все еще факты собраны и отнюдь не вся ненамеренная информация извлечена и из летописных сообщений, и из документальных текстов. Три подобных сюжета и составят предмет нашей работы.

1. Знаковый день в недельном цикле Софьи Палеолог

Будущая вторая супруга московского великого князя прибыла в русскую столицу 12 ноября 1472 г. Буквально накануне при подъезде к Москве у нее на глазах по приказу Ивана III арестовали московского посла, Джан-Баттиста

¹ *Кашианов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967. С. 80–98, 103–118; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – первой половины XVI века. М., 1980. С. 106–114; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 138–146, 160–171, 174–177; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 195–205, 211–216; *Назаров В. Д.* Князь Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 44–50.

дела Вольпе (Иван Фрязин русских летописей; именно он представлял особу московского государя на церемонии обручения в Риме 1 июня того же года), отобрали у сопровождавшего ее папского легата выносной крест. Сразу по приезде, в тот же день, четверг 12 ноября состоялось повторное обручение, знакомство невесты с матерью жениха, само бракосочетание и литургия во временном деревянном здании кремлевского Успенского собора². Затем последовал пир в великокняжеском дворце (тогда еще деревянном) и не упомянутая в источниках первая брачная ночь. Плотность событий одного дня объяснима – 15 ноября начинался Филиппов пост. Как бы то ни было, легко представить силу эмоций принцессы, тем более после почти 5-месячного путешествия. Четверг как символ удачного завершения долгого и трудного дела должен был запомниться Софье еще в 1472 г.

Через шесть с половиной лет случай повторился – в четверг, 25 марта 1479 г. Софья родила мужу первого сына, княжича Василия. Он был крещен в Вербное воскресенье 4 апреля в Троице-Сергиевом монастыре ростовским архиепископом Вассианом (очень близким к Ивану III иерархом, он был троицким игуменом в 1455–1466 гг.) и игуменом Троицкой обители Паисием³. Рождение сына после трех дочерей (в 1474–1476 гг.) несомненно укрепило положение Софьи в великокняжеской семье. День недели в летописи прямо не назван, но он определяется достаточно просто.

«Четверги» 1472 и 1479 гг. никак не зависели от воли, желаний, настойчивости и хитрости великой княгини, чего нельзя сказать о других пяти событиях. Первое из них случилось весной 1492 г. В четверг, 5 апреля великий князь с семьей (поименно названы Софья; вдова умершего в 1490 г. соправителя Ивана III, его старшего сына великого князя Ивана Ивановича, Елена и их сын княжич Дмитрий) вышел из своего старого двора, деревянного дворцового комплекса в новый двор кн. И. Ю. Патрикеева. Предполагалось строительство нового каменного дворца. Планы по ряду обстоятельств перенесли на длительный срок, и в воскресенье, 10 ноября 1493 г. «вошел князь великы в град, в новый двор жити». Конечно, после грандиозных пожаров в Москве весной и особенно летом 1493 г. это был, бесспорно, деревянный комплекс помещений⁴. За четвергом 1492 г. угадываются предпочтения именно великой княгини (четверг фигурирует в летописном известии).

В феврале 1494 г. был заключен мирный договор с Великим княжеством Литовским и параллельно достигнута договоренность о браке литовского великого князя Александра с дочерью Софьи и Ивана III Еле-

² ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 299; Т. 20. М. 2005. С. 299.

³ ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 333; Т. 28. М.:Л., 1963. С. 325.

ной⁵. Обручение ее с представлявшим особу Александра вторым литовским послом (первый был женат вторым браком и потому не мог исполнять эту роль) состоялось в четверг 6 февраля⁶. Не забудем, что обручение Софьи в Риме состоялось в понедельник, а повторное в Москве – в четверг. В 1494 г., как и в 1472 г. налицо определенное ограничение – с 10 февраля начинался Великий пост. Однако, в любом случае на выбор оставались по крайней мере два, если не три, дня. И здесь, в отборе дня недели для обручения великокняжеской дочери, явно прослеживается позиция и желание матери Елены. Отметим попутно, что четверг в текстах посольской книги и летописей фигурирует, равно как дважды названа в дипломатической документации сама Софья.

В следующем эпизоде роль Софьи несомненна, хотя ее имя и не названо в источнике: 21 марта, «в четверток» 1499 г. Иван III «пожаловал сына своего, князя Василия и нарек его государем, великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков [в] великое княжение». В декабре 1497 г. в опалу попали, хотя и в разных формах, и Василий, и Софья. В статье о князьях Ромодановских мы ошибочно связали прощение Василия с синхронным снятием опалы с Софьи⁷. Но, скорее всего, великий князь перестал «беречься» своей супруги раньше и по ее настоянию, после опалы кн. Патрикеевых, был прощен и пожалован Василий. Таковую логику событий подсказывает очередной четверг в жизни Софьи и ее детей.

Менее чем через год, 13 февраля 1500 г. «в четверток» Иван III выдал «дочь свою» Феодосию за кн. В. Д. Холмского⁸, сына известнейшего воеводы московского государя в конце 1460-х – первой половине 1490-х гг., кн. Д. Д. Холмского. Если выбор жениха был скорее прерогативой великого князя (но вероятен и «совет» супруги), то день недели демонстрирует нам предпочтения и пристрастия Софьи. Впрочем, ее имя, как обычно в подобных случаях, в летописных текстах отсутствует.

О седьмом случае мы расскажем ниже, сейчас же подведем некоторые итоги. Из шести эпизодов два не зависели от воли и желаний великой княгини, но именно они (с очевидной мотивацией) определили четверг знаковым днем недельного цикла в жизни Софьи. Сравнение с аналогичными фактами великокняжеской семьи или московской династии доказывает такое предположение. Так свадьба великого князя Ивана Ивановича,

⁵ Вопреки распространенному мнению речь идет о первой Елене, родившейся 18 апреля 1474 г. Этому и схожим сюжетам о других дочерях Ивана III и Софьи Палеолог посвящена наша отдельная работа.

⁶ РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 124; ПСРЛ. Т. 28. С. 325; Т. 39. М., 1994. С. 168.

⁷ ПСРЛ. Т. 28. С. 332; Т. 39. С. 173; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 43–45.

⁸ ПСРЛ. Т. 28. С. 332; Т. 39. С. 174. Речь идет о Феодосии, родившейся 28 мая 1475 г. (см. сн. 5).

соправителя Ивана III, состоялась в воскресенье, 12 января 1483 г. (а родился он в среду 15 февраля 1458 г.). Бракосочетание удельного кн. Андрея Васильевича Большого, младшего брата Ивана III, произошло в воскресенье, 27 мая 1469 г. Наконец, венчание Дмитрия-внука на великое княжение имело место в воскресенье, 4 февраля 1498 г.⁹. Намерения и желания Софьи, так или иначе имевшие политическую подоплеку и политический интерес, проявляются именно через выбор четверга как дня знаковых и иногда очень важных событий. Некое нарастание «четвергов-событий» с 1492 г. суть опосредованное свидетельство возросшей общественной роли Софьи, особенно после снятия с нее опалы, видимо, не позднее осени 1498 г. При всем том, собственно принятие решений всегда оставалось за Иваном III, но четверги как дни, когда решения реализовывались, указывают нам на не заявленное открыто воздействие Софьи на мужа в собственных интересах и в интересах своих детей.

2. Василий III – невенчанный русский государь?

Так утверждают авторитетные специалисты по истории России XV–XVI вв. А. А. Зимин мотивировал свою позицию текстом сочинения С. Герберштейна (имперского дипломата, дважды побывавшего в России, автора классического ее описания «Записки о Московии») и отсутствием в летописях указаний на факт венчания князя Василия. Сходную позицию занимает А. Л. Хорошкевич. Комментируя текст Герберштейна о Василии и Дмитрие-внуке, исследовательница, противопоставляет соперников за наследование верховной власти по факту венчания на великое княжение (Дмитрий-внук) или отсутствия такой процедуры (у великого князя Василия). Причем ей известна апрельская летописная статья 1502 г. о Василии по этому поводу. С. Н. Богатырев, восстанавливая историю шапки Мономаха (хранящуюся ныне в музеях Московского Кремля), утверждает вслед за Хорошкевич отсутствие упоминаний великокняжеских инсигний в завещании Ивана III, а соответственно и у Василия III. Прежде всего, потому, что великий князь передал их Дмитрию-внуку¹⁰. Три очевидных соображения решительно мешают принять подобную концепцию.

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 275, 283, 329; Т. 12. М., 2000. С. 263.

¹⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 148–152 и др.; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 63, 69, 71 и др.; Т. 2. С. 305–306, 321–323, 328, 329 (коммент. А. Л. Хорошкевич); Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1 (9). Январь – июнь. С. 179, 180, 190 и др. Сходную позицию занимают Н. В. Синицына (Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции XV–XVI вв. М., 1996. С. 125–132, 198 и др.) и А. И. Филюшкин (Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 51, 53, 54 и др.).

Первое связано с арестом Дмитрия-внука и его матери 11 апреля 1502 г. Даже если допустить, что инсигнии с февраля 1498 г. хранились именно у него, а не в великокняжеской казне, то какова их судьба? Они тоже оказались в «заключении»? И что мешало Ивану III, уже сделавшему 11 апреля свой выбор наследника, венчать великого князя Василия Ивановича новгородского и псковского (с 1499 г.) на великое княжение Владимирское и Московское?

Второй момент связан с действием самого Василия III. Если согласиться с тем, что Иван III не успел или почему-то не захотел обеспечить собственного сына и наследника необходимой легитимацией как носителя верховной власти («по Божьей милости»), то почему же этим не озаботился сам правящий государь на протяжении 28 лет? Как известно, Василий III в канун своей смерти зафиксировал необходимые шаги и действия для передачи власти трехлетнему сыну, будущему Ивану IV. Согласившись с предложенной трактовкой, мы должны признать изначальную нелегитимность правления Ивана Грозного. Ситуация абсурдна, причем в некоторых работах едва ли не главным стержнем и внутренней и внешней политики Василия III становится укрепление легитимности своего статуса правителя¹¹. А ведь, казалось бы, чего проще – есть сакральные инсигнии (даже если они в тюрьме с Дмитрием-внуком), налицо митрополит «всера Руси» и освященный собор, боярская дума и дьяки великокняжеской казны наряду с дьяками митрополичьей канцелярии, имеющие опыт в составлении необходимых инструкций для процедуры венчания. Неужели Василию III не хватило политической воли?

По нашему мнению – это третий наш тезис и седьмой «четверг» в жизни Софьи Палеолог – венчание Василия III имело место. Вот текст наиболее ранней официальной редакции великокняжеского летописания начала XVI в. (1508 г.). Сразу вслед за сообщением от 11 апреля 1502 г. об аресте и заключении Дмитрия-внука и великой княгини Елены идет следующая статья: «Тое же весны апреля 14 в четверток... князь великы Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжении Володимерьское и Московское и всеа Руси самодержцем по благословению Симона, митрополита всеа Руси». Забудем на время о существовании всех четырех редакций чина венчания Дмитрия-внука и сравним текст 1502 г. с известием от 4 февраля 1498 г. Они почти идентичны, отличия всего два. Одно мало существенное – в летописной редакции о «посажении» Дмитрия-внука не указан митрополит (но как известно из текстов Чина венчания он был вторым главным действующим лицом после Ивана III на церемонии). Второе – значимое: Иван III

¹¹ См., например: *Богатырев С. Н.* Указ. соч. С. 188, 190 и др.

не передал внуку титул самодержца в 1498 г. В ходе церемонии самодержцем митрополит именовал только его¹². По-видимому, исследователей смущало различие летописных известий в последующих сводах: начиная с 1518 г., под 1498 г. помещался текст особой, летописной редакции чина венчания Дмитрия-внука (по классификации И. А. Тихонюка она восходит к формулярной редакции чина), статья же от 14 апреля 1502 г. осталась в неизменном виде в сравнении со сводом 1508 г.¹³.

Вряд ли факт помещения в своде 1518 г. особой редакции чина венчания Дмитрия-внука при одновременном сохранении краткой статьи об аналогичном акте в отношении Василия в 1502 г. следует расценивать как некую идеологическую или политическую провокацию с целью подчеркнуть нелегитимность правящего монарха. Литовские политики и дипломаты не признавали ряд титулов и Ивана III, и Василия III, но не подвергали сомнению законность его статуса наследственного правителя. Представляется, что подвергнутая критике концепция нуждается в более развернутой, а главное – системной аргументации.

Обратим еще внимание на следующие немаловажные детали. Первая характеризует планомерность и последовательность Софьи Палеолог и ее первенца. Первой ступенькой стало прощение 1499 г. Василия и получение им статуса великого князя с прерогативами в отношении Новгорода и Пскова.

Здесь налицо некая отсылка к политической традиции до 1471 г.; верховными правами по отношению к Новгороду и отчасти Пскову московский великий князь обладал в ипостаси великого князя Владимирского. Иначе говоря, Иван III поступился частью своих правомочий, но главное – сузил прерогативы Дмитрия-внука как великого князя Владимирского.

Второй шаг – выдача Феодосии замуж за князя В. Д. Холмского в 1500 г. В политическом плане это следует расценить как попытку восстановить некий баланс в ближайшем окружении великого князя. Сравнительно молодой тверской Рюрикович, уже укоренившийся в московской аристократии благодаря отцу (см. выше), мог выступить в функциональной роли некой заменой князю И. Ю. Патрикееву по признаку близкого свой-

¹² ПСРЛ. Т. 39. С. 172, 175. Риснем еще на одну догадку. После 14 апреля 1502 г. именование Василия Ивановича «всеа Русии самодержец», великий князь Московский и Владимирский, в принципе соответствует экспрессивному воспроизведению его титула в т.н. «Послании Спиридона-Саввы» (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 165).

¹³ ПСРЛ. Т. 28. С. 330–331, 336; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 133–137, 144; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. [Ч.] III. М., 1987. С. 604–607 (в томе изданы и другие редакции чина: Пространная, Формулярная и Чудовская. См.: Там же. С. 608–625).

ства с великокняжеской семьей (мать князя Патрикеева была родной сестрой Василия I, так что Иван III приходился ей внучатым племянником). Это не было реализовано по ряду причин: Феодосия умерла уже зимой 1501 г., князь В. Д. Холмский в отличие от отца оказался не слишком удачливым воеводой и осенью 1508 г. попал в опалу. Но мотив консолидации элиты после потрясений 1497–1499 и 1502 гг. был актуален.

С этой точки зрения показателен состав главных воевод и новгородских наместников в 1500–1502 гг. Выделяются фигуры: князя В. Д. Холмского (сравнительно новое лицо), князя Данила Александровича Ярославского, князя Данила Васильевича Щени (племянника князя И. Ю. Патрикеева и родоначальника князей Щенятевых), Якова и Юрия Захарьевичей (Кошкиных). Опалы и казни 1497–1499 гг. не повлекли сравнительно массовых репрессий по фамильно-родовому принципу. И это обстоятельство (кто стал бенефициаром после потрясения), важно при ретроспективном анализе расстановки сил в 1495–1499 гг.

В апрельском летописном тексте 1502 г. о венчании великого князя Василия Ивановича (весьма показательно его именование «всёа Руси самодержцем») имени его матери почти всегда нет. Оно появляется почти ровно через год: 7 апреля 1503 г. «в пяток» (не в свой знаковый и счастливый четверг) «благочестивая великая княгиня Софья» скончалась. Видно отпущенный ей лимит «четвергов» она исчерпала.

3. Когда случалась опала князей Патрикеевых?

Вопрос в заголовке подраздела по видимости излишен. Все летописные своды сообщают об опале на членов фамильной «партии» князей Патрикеевых под январем 1499 г.¹⁴ Рассказ в черновом отрывке официального свода за 7006–7008 гг. об этом событии сообщает некоторые немаловажные дополнительные сведения¹⁵. Но хронология везде одна: опала датируется январем 1498 г., казнь князя С. И. Ряполовского 5 февраля «во вторник» (5 февраля пришлось в 1498 г. на масляную неделю, так что отсечение головы князя Семена на льду Москвы-реки наверняка собрало многочисленную аудиторию). Существует однако документ, позволяющий отнести падение пока еще политического авторитета клана Патрикеевых к декабрю 1498 г., а возможно к осени того же года. В декабре (!) 1497 г. великокняжеский дворецкий князь Петр Васильевич Великий (или Великогагин, из ярославских Рюриковичей) осуществил разъезд «по слову князя великого» земель митрополичьего Новинского монастыря с. Большое Кудрино и с. князя И. Ю. Патрикеева «Святые отцы». В этом

¹⁴ ПСРЛ. Т. 28. С. 331; Т. 39. С. 172; Иоасафовская летопись. С. 137.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 263–264; Т. 43. М., 2004. С. 211. Этому отрывку мы посвятили особое исследование (в печати).

документе почти все необычно. Прежде всего, время разъезда. Проводить размежевание в глубоких и даже не очень глубоких снегах – нечто экстраординарное. Не названы судья и судебное решение, согласно которому и должен был быть произведен разъезд. И, пожалуй, самое удивительное: разъезд произвел самолично глава одного из важнейших центральных ведомств – Большого дворца при участии двух дьяков (великого князя и митрополита) и в присутствии 8 свидетелей исключительно со стороны Новинского монастыря (келарь, священник и 6 человек крестьян). Понятно, что результатом таких действий стала отпись двух деревень князя Патрикеева в монастырь, а также распоряжение Ивана III митрополиту уничтожить пруд, устроенный князем. Все особенности этого, казалось бы, банального поземельного документа становятся особенно выразительными при сравнении с межевой грамотой тех же собственников (князя Патрикеева и митрополичьей кафедры) 2–3 годами ранее. Самое главное – разъезд проводился в удобное для таких трудов время и при активном участии всех заинтересованных лиц¹⁶.

Можно не сомневаться, что все особенности декабрьской разъезжей политически мотивированы: документ свидетельствует как минимум о резком падении авторитета когда-то всемогущего великокняжеского наместника Москвы, первого среди бояр лица. Возможно, сроки межевания и определились скорой и неизбежной опалой Патрикеевых. Не исключено также, что активное заступничество («печалование») митрополита и других иерархов за князя Ивана Юрьевича и его сыновей (они избежали казни; отец и старший сын были пострижены в монахи) связаны отчасти с этим документом. Так как некое судебное решение существовало, то признаки грядущей грозы, скорее всего, стали заметными где-то осенью 1498 г.

Можно уточнить время «печалования» иерархов и пострига князя Ивана Юрьевича Патрикеева. 16 февраля 1499 г. он вложил в Троице-Сергиев монастырь 200 рублей, которые следует полагать его вкладом при постриге. Соответственно, заступничество иерархов можно датировать концом января – первой половиной февраля. Еще один след и Патрикеевых, и Дмитрия-внука всплывает в завещании угличского удельного князя Дмитрия Жилки, третьего сына Ивана III от Софьи Палеолог. В многостраничном перечислении посуды из драгоценных металлов и камней нашлось место посуде из казны князя Ивана Юрьевича и его сына Василия (в сумме до 20 предметов), а также Дмитрия-внука (не менее 16 вещей)¹⁷.

¹⁶ АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 32. С. 50; ср.: № 46а. С. 60–61.

¹⁷ ДДГ. М.:Л., 1950. С. 411–414.

Если припомнить размеры земельных владений Патрикесовых, а они были очень велики, то следует признать неизбежные экономические профиты, причем немалые, верховной власти от политических потрясений.

Завершая эти беглые заметки о ряде немаловажных особенностей политического процесса в России конца XV – начала XVI в., подчеркнем еще раз необходимость системного анализа, как субъектов политической борьбы, так и ее границ, и ее контента.